

Поздеев Игорь Леонидович, Назмутдинова Ирина Константиновна

РОЛЬ ОБЫЧАЯ В МЕХАНИЗМЕ РЕГУЛИРОВАНИЯ СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ТРАДИЦИОННОМ УДМУРТСКОМ ОБЩЕСТВЕ

В статье рассматриваются теоретические основы стереотипизированных форм поведения: традиция, обычай, обряд, ритуал. Обычай как норма действия и поведения регулирует отношения в традиционной удмуртской семье, предписывая каждому члену семьи определенную роль в соответствии с занимаемым статусом и половой принадлежностью. Сфера влияния нормативных установок также распространяется на область взаимоотношений члена общины с деревенским миром. Государство, как законодатель, в свою очередь, предоставляет сельскому обществу определенную свободу действий, давая на откуп самостоятельное решение вопросов, исходя из общепринятых норм.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2015/11-3/33.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 11 (61): в 3-х ч. Ч. III. С. 122-126. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2015/11-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

4. **О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года** (ред. от 31.05.2012 г.): Распоряжение Правительства РФ от 14.10.2010 г. № 1772-р // Собрание законодательства РФ (СЗРФ). 2010. № 43. Ст. 5544.
5. **Об исполнительном производстве**: Федеральный закон от 02.10.2007 г. № 229-ФЗ (ред. от 29.06.2015 г.) // СЗРФ. 2007. № 41. Ст. 4849.
6. **Основные статистические показатели состояния судимости в России за 2003-2007 годы** [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=2074> (дата обращения: 18.08.2015).
7. **Основные статистические показатели состояния судимости в России за 2008-2014 годы** [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=2074> (дата обращения: 18.08.2015).
8. **Подройкина И. А.** Штраф как вид наказания в современном уголовном праве: дисс. ... к.ю.н. Ростов н/Д, 2004. 220 с.
9. **Стромов В. Ю.** Система уголовных наказаний: реализация и эффективность: дисс. ... к.ю.н. Волгоград, 2009. 240 с.
10. **Сыдыкова Л. Ч.** Теоретические проблемы системы и видов наказаний по уголовному праву Кыргызской Республики: дисс. ... д.ю.н. Алматы, 2000. 281 с.
11. **Уткина С. С.** Уголовное наказание в виде штрафа: автореф. дисс. ... к.ю.н. Томск, 2004. 24 с.
12. **Чернов А. Д.** Актуальные проблемы уголовного наказания: дисс. ... д.ю.н. М., 2001. 328 с.

CONTROVERSIAL ISSUES OF REGULATING PENALTY AS A CRIMINAL SANCTION

Podroikina Inna Andreevna, Ph. D. in Law, Associate Professor
Russian Customs Academy (Branch) in Rostov
919820@mail.ru

In the article the author considers different perspectives on the notion of penalty as a criminal sanction, the validity of the methods of its calculation, provides a critical analysis of the given positions, expresses her own opinion on a number of controversial issues related to the regulation of fine, and justifies the conclusion on the need to exclude from the Criminal Code of the Russian Federation such method of fine calculation as in the amount divisible by the sum of illegally transferred money and (or) by the cost of monetary instruments.

Key words and phrases: criminal sanction; penalty; criminal statute; methods of calculation; fine.

УДК 173(=511.131):39

Исторические науки и археология

В статье рассматриваются теоретические основы стереотипизированных форм поведения: традиция, обычай, обряд, ритуал. Обычай как норма действия и поведения регулирует отношения в традиционной удмуртской семье, предписывая каждому члену семьи определенную роль в соответствии с занимаемым статусом и половой принадлежностью. Сфера влияния нормативных установок также распространяется на область взаимоотношений члена общины с деревенским миром. Государство, как законодатель, в свою очередь, предоставляет сельскому обществу определенную свободу действий, давая на откуп самостоятельное решение вопросов, исходя из общепринятых норм.

Ключевые слова и фразы: обычай; удмуртская семья; община; кенеш; Свод законов о состояниях.

Поздеев Игорь Леонидович, к.и.н.

Назмутдинова Ирина Константиновна, к.и.н.

Удмуртский институт истории, языка и литературы Уральского отделения Российской академии наук
pozdeev79@gmail.com; nazm-irina@yandex.ru

РОЛЬ ОБЫЧАЯ В МЕХАНИЗМЕ РЕГУЛИРОВАНИЯ СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ТРАДИЦИОННОМ УДМУРТСКОМ ОБЩЕСТВЕ[©]

Традиции, обычаи, обряды, ритуалы тесно взаимосвязаны между собой. Они отчетливо выражают этническое своеобразие культуры, морально-психологический облик этноса, его настроение и взгляды. Не случайно авторитетные историки, этнографы, философы, культурологи обращались к исследованию механизмов, детерминирующих этнически своеобразные черты того или иного этноса, занимались разработкой теоретического содержания стереотипизированных форм поведения. Среди исследователей данного направления можем выделить имена С. А. Арутюнова, А. К. Байбурина, Э. С. Маркаряна, К. С. Сарингуляна, Л. С. Христолюбовой, К. В. Чистова [2; 3, с. 11; 10; 20; 25, с. 4; 26].

В данной статье будет сделана попытка определения места обычая в жизни традиционной удмуртской семьи первой половины XIX – рубежа XIX-XX вв. Именно этот исторический период отражает последний «аграрный», доиндустриальный этап развития традиционного общества как такового.

В самом начале определимся с понятийным аппаратом, в том числе выявим значение терминов «традиция», «обычай», «обряд», «ритуал». Л. С. Христолюбова поднимает вопрос о неоднозначной трактовке данных понятий: «Обычай – это правило, норма действия, поведения, а обряд – воплощение, реализация той или иной

[©] Поздеев И. Л., Назмутдинова И. К., 2015

нормы в конкретном действии. И обычай, и обряд есть регламентация поведения, но обычаи регламентируют общие формы поведения и более общим образом, говоря, что должно быть сделано, тогда как обряды до деталей определяют внешнюю форму поведения, говоря, как должно быть сделано» [25, с. 4]. Ритуал, как более широкое понятие, составляет совокупность обрядов, соединенных общей идеей (свадебный, похоронный ритуал). Культурная традиция представляет собой групповой опыт, постоянно воспроизводящийся в групповом сознании и передающийся из поколения в поколение. Дефиниции рассмотренных понятий позволяют сделать вывод о том, что традиция является родовым понятием, включая в себя обычаи, обряды, ритуал. Если обычаи связаны со сферой нормативной регламентации поведения, отвечая на вопрос, как должно быть сделано, то обряды имеют чисто практический характер и всегда связаны с движением, какой-то деятельностью. Ритуал больше диктует сакральные образцы поведения, возобновляемые коллективом людей в переломные моменты жизни группы [11, с. 65].

Традиционная удмуртская семья представляла собой объединение кровных родственников, совместно проживавших и владевших хозяйством и земельными угодьями. Взаимоотношения членов семьи строились с учетом принципов старшинства и половой принадлежности, что диктовало уважительное отношение к пожилому человеку как к опытному и мудрому воспитателю, хранителю традиций и норм этикета; к мужчине как к главному добытчику и труженику семьи; к мальчикам и сыновьям как к будущим кормильцам и продолжателям рода. Женщина, будучи первой помощницей и советчицей мужа, по большей части отвечала за домашнее хозяйство. Девочки рядом с матерями познавали тонкости женской работы, внося важную лепту в изготовление одежды, приготовление пищи [Там же, с. 154].

Главой семьи (*кузё*) в удмуртской семье, как правило, был старший мужчина. Он – главный хозяйственник, распорядитель работ и имущества, представитель семьи на сельском сходе. Остальные мужчины семьи были включены в тяжелый повседневный трудовой процесс, обеспечивавший выполнение всего объема работ, необходимого для жизнедеятельности семьи.

Все вопросы, связанные с хозяйством и бытом, решались при участии женщины: «Муж всегда во всех делах советуется с женой, и все хозяйственные действия совершаются в удмуртской семье по обоюдному согласию мужа и жены», в том числе и денежные [7, с. 29]. Приданое составляло собственность жены. Часто и трудовые функции между мужем и женой распределялись особо: домашний труд считался женским, а охота, рыболовство, бортничество, отхожие промыслы – исконно мужскими занятиями.

В ведении старшей женщины – *кузё кышно* (рус.: большуха) было управление домашними делами, распределение продуктов и обязанностей, приготовление пищи. В целом женщины выполняли все работы по дому: присматривали за скотом (кроме лошадей), готовили ткани, шили одежду, воспитывали детей, ухаживали за огородом, при этом успевая поработать и в поле [23, с. 187-189]. В замужних женщинах, прежде всего, ценились способность к деторождению и трудолюбие. От этого зависят численность семьи, стабильность и благополучие дворохозяйства. Все вопросы, связанные с делами культа, решались сообща или отдельно, как этого требовал ритуал.

Значителен был статус женщины-матери. Ее воспитательное воздействие признавалось настолько определяющим, что и положительные, и отрицательные результаты воспитания приписывались в первую очередь ей. Если дети не умеют себя вести, значит, она виновата. Мать – добрый советчик и учитель, порой – сглаживающий фактор в диалоге отца с детьми.

Мужчина как отец обладал непререкаемым авторитетом и должен был приложить усилия, чтобы воспитать детей в соответствии с существовавшими общественными требованиями и моральной этикой. Дурным тоном считалось баловать ребенка излишним вниманием. Детей любили как-то «сдержанно-тихо». Неслучайно в народе говорили: «*Атайлэн кылыз чурьт, коркаез шуныт*» («Отцовские слова жесткие, да изба теплая»). По словам дореволюционного автора В. Кошурникова, «вотьяк-отец досужее время часто посвящал детям» [8, с. 11]. В основном занимались отцы мальчиками, когда те немного подрастали, а в младенческом возрасте они, как и дочери, полностью были на попечении матери, а в страду – старших детей или пожилых родственников. Если отец был недоволен поведением дочери, он не делал ей замечания, а высказывал свое недовольство жене [21, с. 68].

Ослушание воли отца и матери осуждалось общественным мнением, как правило, дети не смели противиться их воле. Родители решали вопрос о браке взрослых детей, выбирая им брачных партнеров чаще по своему усмотрению. Женили сыновей и выдавали дочерей, строго соблюдая возрастную очередность.

В воспитании подрастающих детей большую роль играло и самое старшее поколение семьи – бабушки и дедушки. Они составляли самую консервативную часть общества, являлись хранителями обычаев, языка, традиционного быта и передавали свои знания внукам [13, с. 52]. Благодаря им, особенно бабушкам, молодое поколение впитывало самобытную духовную культуру народа, обычаи, нормы традиционного этикетного поведения и т.д. Бабушки выступали в роли знахарок, совершали магические манипуляции и заговоры [11, с. 156]. Их ведущая роль в ритуальной практике объясняется тем, что в условиях низкого уровня грамотности и недовлестворительного состояния здравоохранения старшее поколение имело большой авторитет как более знающее и опытное. В удмуртской семье с детства прививали уважительное отношение к людям преклонного возраста. Мать с отцом подчеркиваю-уважительным отношением к пожилым родителям, своим примером общения с ними формировали в детях основы духовности и взаимодействия поколений. Это была первая мерка, по которой судили о нравственности человека.

Для удмуртов величайшая ценность – семья, поэтому жизнь в браке воспринималась ими как естественное состояние и обязательный долг. Одинокий человек чувствовал себя неполноценным, нередко к таким людям приклеивались обидные прозвища, например, *пал тури* (одинокий журавль). В традиционном обществе сыновей стремились женить рано (в 13-15), а девушек как работниц старались дольше удержать дома, поэтому выдавали поздно (23-25). Разводы в удмуртском обществе были редкими и считались крайне нежелательными, родители всячески старались уладить отношения в семьях своих детей [Там же, с. 96].

На полутонах «держались» отношения мужа и жены, никаких объятий, поцелуев. И даже разговаривали в семье обычно негромко, вполголоса. Тем более не принято было принародно говорить о своих чувствах, любви, а уж вовсе негоже их «публиковать» [6]. Да и времени не было, нужно работать, вовремя посеять, собрать, сделать.

Правила поведения молодоженов, их родителей и остальных членов семьи состояли в основном из запретов, которые называются избеганием. Смысл обычая заключается в полном отсутствии контактов невестки со старшими родственниками, особенно с отцом и дедом мужа: ей нельзя присутствовать при них, разговаривать или смотреть на них до тех пор, пока свекор сам не обратится с инициативой о прекращении избегания [11, с. 179]. В отношении свекрови таких ограничений в общении не существовало, но снятие некоторых запретов происходило только после специального предложения со стороны свекрови. Кроме того, ей не стоило показываться при старших без головного убора, ноги также должны быть прикрыты. Зять тоже определенное время избегает старших родственников жены. «*Эмести варматаен мунчо уз пыр*» («Зять с тестем не должен был ходить в баню»), – вспоминают пожилые респонденты [12, д. 1535, л. 25]. С односельчанами снохе предписывалось быть предельно вежливой, приветливой, в семье она должна была быть очень кроткой, немногословной, скромной, приветливой, ласково обращаться, прежде всего, к родителям мужа. Не должно быть никаких проявлений агрессии. Очень приветствовалось, когда сноха вставала рано утром, охотно бралась за любое дело, помогала родителям мужа, умела работать сообща. Ей не стоило дожидаться указаний, а сразу предугадывать и выполнять текущую работу [Там же, л. 5, 17, 138]. Надо сказать, что совместная жизнь поколений не всегда была простой: случались недоразумения, ссоры. Упрекать, отчитывать имело право только старшее поколение. «Сор» никогда не выносился из избы.

Для удмуртского социума основополагающим структурным компонентом выступала соседская поземельная община-*бускель* (*бускельёс* – соседи), в значительной мере определявшая весь жизненный уклад крестьянства. Она регламентировала практически все стороны жизни деревенского мира: от семейной сферы до отношений с властями [17, с. 74]. Законодательным органом общины был сельский сход, состоявший из всех имевшихся в общине домохозяйств [1, с. 52]. Облегченные территориальной близостью связи помогают оказывать друг другу хозяйственную и трудовую помощь, материальную поддержку, благоприятствуют совместному проведению семейных событий и праздников, тем самым обеспечивая комфортное общение и дружеские связи.

Основным механизмом воздействия на индивида было общественное мнение, оказывавшее постоянное и непосредственное влияние, способствующее сохранению традиционных воззрений и норм. Удмурты чрезвычайно дорожили своей репутацией среди родственников, односельчан, соплеменников [17, с. 75]. Презрение общинников, отторжение «миром» переживались очень глубоко, поэтому старались придерживаться традиционных соционормативных установок, «жить так, как учат старики». Человек должен был быть «как все», не выделяться из среды общинников, что приводило к приоритету общества над личностью. В противном случае к человеку приклеивались прозвища, он подвергался насмешкам.

Взрослые общинники оценивали молодых людей в зависимости от авторитета их родителей, о чем свидетельствует народная мудрость: «*Кызлэн кускылиез кыдёке уз палды, адямилэн но пиналыз мурт выжые уз мыны*» («Шишка от ели далеко не упадет, и ребенок в чужого не уродится») [22, с. 113]. Вот почему взрослые члены семьи настраивали своих детей на то, чтобы те не уронили честь семьи: «*Синмысь медам усыы*» (букв.: С глаз не упади, т.е. не потеряй доброго общественного мнения) [Там же, с. 92].

Как указывает В. Е. Владыкин, в системе социальных ценностей удмурты важное место отводили оптимальным отношениям со своими близкими и дальними родственниками, однодеревенцами и вообще «добрыми людьми» [5, с. 306]. В своих молитвах-*куриськонах* (букв. – «прошениях») они почти всегда подчеркивали перед богами, что находятся в добрых отношениях с ближайшим окружением и выступают единодушно: «без споров и пререканий пришли мы с нашими добрыми соседями» [16, с. 9]. И особо просили богов «от злонамеренных и завистников избавьте, помилуйте нас» [Там же, с. 15], пусть только «хорошие люди заезжают во двор к нам» [Там же, с. 33]. В молитвах удмурты отмечали и основные качества, которыми должен обладать каждый член общины: «Да будет новорожденный работящ, силен, обходителен с людьми...» [Там же, с. 36], «Да будет новорожденная искусной пряхой <...> да будет ей уделом хороший муж...» [Там же].

Во многих удмуртских пословицах прослеживается мысль о необходимости сплочения: «*Ачид понна гинэ эн улы, мурт понна но тыршы*» («Живи не только для себя, но и для людей»). Суровый опыт самосохранения подсказывал, что, только объединившись, можно выжить, а чтобы жить в обществе, нужно принимать те соционормативные установки, которые в нём существуют. Поэтому во многом социальное благополучие, успех в хозяйственных и прочих делах удмурты видели в конформизме членов семьи, общины. Каждый член общины должен относиться к другим людям с добром, быть «хорошим», то есть не творить людям зла: «*Жечен улон жеч*» («С добрым и жить хорошо») [22, с. 71]. Формируемые в удмуртском обществе у каждого индивида черты характера по возможности должны были облегчать взаимное сосуществование членов общности, способствовать межпоколенной передаче традиций и обычаев, поддерживать выполнение правовых

норм и обычаев. В любой крестьянской общине и аграрном обществе существовало правило – помогать друг другу в реализации трудоемких задач. Одним из наиболее ярких обычаев являлось оказание безвозмездной помощи сородичам – помочей (удм. – *веме*).

Как было уже сказано, основным распорядительным органом в общине являлся сельский сход – *кенеш*, что в переводе на русский язык означает «совет, наставление, собрание, сходка» [14, с. 49-50]. Он представлял собой низшее звено местного самоуправления, выступая посредником между общиной и волостными властями. Государство стремилось регулировать деятельность сельского схода, и основным нормативным актом здесь выступал Свод законов о состояниях, консолидировавший законодательные акты о сословиях в России и составивший девятый том общего Свода законов Российской империи, содержащий в том числе «Положения о сельских состояниях» [18].

Удмурты на территории современной Удмуртской Республики в основной своей массе входили в сословие государственных крестьян. Согласно Своду законов о состояниях, крестьяне объединялись в сельские общества, вопросы которых решал сельский сход: «Сельские обыватели составляют, по делам хозяйственным, сельские общества, а для ближайшего управления и суда соединяются в волости. В каждом сельском обществе и в каждой волости заведывание общественными делами предоставляется миру и его избранным» [19, с. 83]. Земли и угодья находились в общем пользовании и были изъяты из гражданского оборота. Общество могло также приобретать земли: «Сельское общество может, на основании общих законов, приобретать в собственность движимое и недвижимое имущество. Землями, приобретенными в собственность независимо от своего надела, общество может распоряжаться по своему усмотрению» [Там же, с. 84].

Согласно ст. 683 Свода законов о состояниях, крестьянским обществам предоставляется самостоятельное право «постановлять приговоры об удалении тех из проживающих в среде сих обществ членов, дальнейшее пребывание коих в этой среде угрожает местному благосостоянию и безопасности» [Там же].

Как видим, законодатель предоставляет сельскому обществу определенную свободу действий, которые далее регулируются обычным правом. Спектр вопросов, решаемых в рамках сельского схода, был разнообразен и широк и выходил за рамки только экономических дел, которые первоначально возлагал законодатель на общину. Подобную регламентацию наглядно проиллюстрировал Г. Е. Верещагин: «Начало каждого рода полевой работы, и время пирушки по случаю той или иной работы назначается общиной, и никто в отдельности не может начать никакой полевой работы, не вправе работать и во время жертвоприношений» [4, с. 115]. Практически все решения выносились на основе норм обычного права (удм. – *сям*), решения *кенеша* носили обязательный характер, в том числе и при проведении обрядов аграрного календарного цикла.

Классической иллюстрацией правового обычая с имеющейся прямой отсылкой в нормативно-правовом акте является регулирование отношений, связанных с опекой над малолетними сиротами, где указывается, что «попечение о личности и об имуществе малолетних сирот крестьян возлагается по месту жительства или нахождения недвижимого имущества, на обязанность сельских или волостных обществ, а также Сиротского Суда или того места, которое отправляет его должность. В назначении опекунов и попечителей, в проверке их действий и во всех сего рода делах крестьяне руководствуются местными своими обычаями» [18, с. 1]. Опека над осиротевшими детьми возлагалась, прежде всего, на близких родственников. От негласного правила родственной помощи опекуны не могли отказаться, какой бы тяжелой и нежелательной она не была [14, с. 119]. Соответственно, для удмуртов было важно заботиться и опекать членов своего рода, с которыми их связывают общие предки, общие божества-прародители.

Таким образом, дети с малолетства приобщались к духовной культуре своего народа. Воспитание было направлено на выработку таких качеств, как сдержанность, скромность, кротость, терпеливость, уважение к требованиям семьи и деревенского мира, стремление поддержать доброе имя родителей, не уронить их достоинство, не скомпрометировать поступком, соблюдать обычаи и традиции. Одновременно они усваивали принятые нормы поведения в семье и деревенском мире, определяли свое место в родственном кругу и жизненном пространстве и соответственно вели себя. Благодаря своему авторитету родители, бабушки и дедушки с помощью запретов, наставлений и даже запугиваний прививали моральные ценности и правила этикета. К подростковому возрасту ребенок полностью усваивал гендерные роли (девочки – матерей, мальчики – отцов) и уже считался полноценным, трудоспособным членом общины.

Система крестьянского самоуправления позволяла сдерживать серьезные социальные противоречия и конфликты, стараясь формировать у каждого члена общества набор необходимых качеств и моделей поведения. Гарантом выполнения норм поведения выступает само сообщество через систему межличностного взаимодействия. При этом надо понимать, что далеко не каждый социальный обычай может стать правовым, а только полезный с точки зрения государства. Формирование правового обычая позволяет оперативно восполнить пробелы, имеющиеся в законодательстве. В обособленных общностях с невысокой грамотностью населения применение права крайне затруднительно, поскольку закон воспринимается как внешне чуждое явление. Одним из механизмов включения в сферу позитивного права является санкционирование правового обычая. В случаях с нерусскими народами, когда большинство даже не владело языком, на котором разговаривало чиновничество, это была, пожалуй, единственная возможность для организации эффективного государственного управления инородческих окраин. При этом санкционирование правового обычая происходило либо в официальной письменно-документированной форме при прямой отсылке на обычаи, либо при молчаливом (фактическом) согласии на применение в практической деятельности государственных органов. Многоэтничность России предопределяла возможность применения обычного права в общинных и волостных судах, которые первоначально существовали как де-факто и в дальнейшем получали правовой статус со стороны государства.

Список литературы

1. Александров Ю. В. Обычное право удмуртов (XIX – начало XX вв.). Ижевск: Удмуртия, 2014. 272 с.
2. Арутюнов С. А. Обычай, ритуал, традиция // Советская этнография. 1981. № 2. С. 97-99.
3. Байбурин А. К. Некоторые вопросы этнографического изучения поведения // Этнические стереотипы поведения / под ред. А. К. Байбурина. Л.: Наука, 1985. С. 7-21.
4. Верещагин Г. Е. Собрание сочинений: в 6-ти т. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2000. Т. 3. Этнографические очерки. Кн. 2. Вып. 1. 251 с.
5. Владыкин В. Е. Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов. Ижевск: Удмуртия, 1994. 384 с.
6. Владыкин В. Е. Три свадебных напева // Гыдыке / сост. Т. Г. Перевозчикова. Ижевск: Удмуртия, 1991. С. 4-6.
7. Косвен М. О. Распад родового строя у удмуртов // На удмуртские темы: сб. ст. М.: Центральное издательство народов СССР, 1931. Вып. II. С. 5-35.
8. Кошурников В. С. Быт вотяков Сарапульского уезда, Вятской губернии. Казань: Типография Императорского университета, 1880. 44 с.
9. Кузнецов С. К. Общинные порядки у вотяков Мамадышского уезда Казанской губернии // Этнографическое обозрение. 1904. № 4. С. 24-49.
10. Маркарян Э. С. Узловые проблемы теории культурной традиции // Советская этнография. 1981. № 2. С. 78-96.
11. Назмутдинова И. К. Семейный этикет в системе традиционной и современной культуры удмуртов: дисс. ... к.и.н. Чебоксары, 2013. 286 с.
12. Научно-отраслевой архив Удмуртского института истории, языка и литературы Уральского отделения Российской академии наук (НОА УИИЯЛ УрО РАН). РФ. Оп. 2-Н.
13. Никитина Г. А. Народная педагогика удмуртов. Ижевск: Удмуртия, 1997. 136 с.
14. Никитина Г. А. Сельская община-бускель в пореформенный период (1861-1900 гг.): монография. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1993. 160 с.
15. Никитина Г. А. Удмуртская община в советский период (1917 – начало 30-х гг.). Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1998. 225 с.
16. Первухин Н. Г. Эскизы преданий и быта инородцев Глазовского уезда. Эскизы 1-4. Вятка: Губернская типография, 1888. Эскиз 3. Следы языческой древности в образцах произведений устной народной поэзии вотяков (лирических и дидактических). 83 с.
17. Поздеев И. Л. Проблемы этнической социализации (на примере удмуртского этноса): дисс. ... к.и.н. Ижевск, 2005. 179 с.
18. Российская империя. Законы. Положения о сельском состоянии. Особые приложения к законам о состояниях [Электронный ресурс] // Свод законов Российской империи: в 5-ти кн. / под ред. И. Д. Мортухай-Болтовского. СПб.: Русское книжное товарищество «Деятель», 1912. Кн. 3. Т. IX. Особое приложение. Ч. 2. URL: <http://civil.consultant.ru/reprint/books/208/> (дата обращения: 12.05.2015).
19. Российская империя. Законы. Свод законов о состояниях [Электронный ресурс] // Свод законов Российской империи: в 5-ти кн. / под ред. И. Д. Мортухай-Болтовского. СПб.: Русское книжное товарищество «Деятель», 1912. Кн. 3. Т. IX. Особое приложение. Ч. 2. URL: <http://civil.consultant.ru/reprint/books/205/83.html#img84> (дата обращения: 12.05.2015).
20. Сарингулян К. С. О регулятивных аспектах культурной традиции // Советская этнография. 1981. № 2. С. 99-101.
21. Семенова Л. И. О влиянии поколенного состава семьи на передачу этнокультурных традиций (по материалам села Ляльшур Удмуртской АССР) // Советская этнография. 1981. № 1. С. 68-77.
22. Удмуртский фольклор: пословицы, афоризмы и поговорки / сост. Т. Г. Перевозчикова. Устинов: Удмуртия, 1987. 276 с.
23. Удмурты: историко-этнографические очерки / Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН (УИИЯЛ УрО РАН); науч. ред. д-р ист. наук В. В. Пименов. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1993. 392 с.
24. Харузина В. Н. Вотяки // Народы России. М.: Тип. Общества распространения полезных книг, 1898. Вып. X. 48 с.
25. Христолюбова Л. С. Семейные обряды удмуртов (традиции и процессы обновления). Ижевск: Удмуртия, 1984. 128 с.
26. Чистов К. В. Традиция, «традиционные общества» и проблема варьирования // Советская этнография. 1981. № 2. С. 105-107.

**ROLE OF CUSTOM IN THE MECHANISM OF REGULATING FAMILY RELATIONS
IN TRADITIONAL UDMURT SOCIETY**

Pozdeev Igor' Leonidovich, Ph. D. in History

Nazmutdinova Irina Konstantinovna, Ph. D. in History

Udmurt Institute of History, Language and Literature of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

pozdeev79@gmail.com; nazm-irina@yandex.ru

The article examines the theoretical foundations of stereotyped behavioral forms: tradition, custom, ceremony, ritual. Custom as a norm of action and behavior regulates relations in the traditional Udmurt family assigning each of the family members a certain role in accordance with the status and sex. The sphere of influence of normative guidelines also applies to the field of the interrelations of a community member with the village world. The state, as a lawmaker, in its turn, gives certain latitude to the village community passing it complete control over the independent resolution of issues on the basis of generally accepted norms.

Key words and phrases: custom; Udmurt family; community; kenesh; Code of Laws on Estates.